

Полиэтничность как объект художественной рефлексии в творчестве писателей Австро-Венгрии

Аннотация:

Сложившийся в «кайзеровско-королевской» Австро-Венгрии пестрый этнокультурно-языковой конгломерат нашел свое отражение в творчестве таких родившихся здесь писателей, как Карл-Эмиль Француз, Роберт Музиль, Йозеф Рот, Юзеф Виттлин, Ярослав Гашек, по-разному осмыслявших австро-венгерский универсум — как связующее наднациональное единство и как источник центробежных тенденций, национальных конфликтов, приведших к его распаду.

Ключевые слова:

К.-Э. Француз, Р. Музиль, Й. Рот, Ю. Виттлин, Я. Гашек, распад многонациональной Австро-Венгрии, национальные конфликты

Victoria V. MOCHALOVA
(Moscow)

Poly-ethnicity as an object of artistic reflection in the works of Austria-Hungary' writers

Abstract:

The article explores how the motley ethno-cultural-linguistic conglomerate formed in the «Kaiser-Royal» Austria-Hungary is reflected in the works of such writers who were born here as Karl-Emil Franzos, Robert Musil, Joseph Roth, Józef Wittlin, Jaroslav Hašek, who interpreted the Austro-Hungarian universe — as a connecting supranational unity and as a source of centrifugal tendencies, national conflicts that led to its disintegration.

Keywords:

K.-E. Franzos, R. Musil, J. Roth, J. Wittlin, J. Hasek, disintegration of multinational Austria-Hungary, national conflicts

Мультинациональность и мультикультурность Австро-Венгрии, Мее пестрый этно-культурно-языковой конгломерат оказались благотворной средой для возникновения оригинальных талантов, в творчестве которых не могла не отразиться и полиэтничность объединявшего их ареала. Это справедливо, в частности, для писавших на немецком языке Карла-Эмиля Францоа (1848–1904), Роберта Музиля (1880–1942), Йозефа Рота (1894–1939), для польскоязычного писателя Юзефа Витлина (1896–1976), которые по-разному осмыслили так называемый «габсбургский миф»¹, австро-венгерский универсум — как гармонизирующее наднациональное единство, как ценность высшего порядка или как источник и средоточие национальных конфликтов, взрывающих его изнутри². «Народы Австро-Венгерской империи в совокупности нации не составляли. Национально-освободительные движения были там центробежными, а все центростремительные так или иначе связывались с государством»³.

Даже в «Похождениях бравого солдата Швейка» (1911–1922), задуманных, по признанию Ярослава Гашека (1883–1923), в качестве исторической картины определенной эпохи, где полиэтничность не составляет центральной темы, она с неизбежностью служит выразительным фоном описываемой действительности («кто бы ни прикончил нашего Фердинанда, серб или турок, католик или магометанин, анархист или младочех, — мне все равно»; «у нас под знаменами австрийские уланы-ополченцы, австрийские ополченцы, боснийские егеря, австрийская пехота, венгерские пешие гонведы, венгерские гусары»; «в публичном доме спрашивают, какую клиент желает барышню — “немку, чешку или еврейку”, а старая дама у входа произносит по-немецки, по-польски и по-венгерски приблизительно следующее приветствие: “Заходите, заходите, солдатик, у нас хорошенькие барышни!”»⁴).

Яркие национальные группы единого многонационального государства, находившиеся не в его центре, а скорее на периферии, привлекали внимание писателей, особенно тех, кто был связан с такими регионами своим происхождением. Среди них видное место занимает росший на Буковине и в Галиции еврейский писатель К.-Э. Француз, познакомившийся здесь с немецкой, украинской и еврейской культурой и назвавший этот пограничный регион «Полу-

Азией» — именно из-за пестрого смешения разных культур (этому посвящены многочисленные издания и переиздания его многотомной серии: «*Halb-Asien. Land und Leute des östlichen Europa*», «*Aus Halb-Asien. Kulturbilder aus Galizien, der Bukovina, Südrussland und Rumänien*», «*Vom Don zur Donau. Neue Kulturbilder aus Halb-Asien. Land und Leute des östlichen Europa*»)⁵.

Француз получил отнюдь не только домашнее еврейское образование, но и учился в доминиканской монастырской школе в Чорткове (в его произведениях переименованном в Барнов), в немецкой императорско-королевской гимназии в Черновцах, пользовавшейся отличной репутацией и воспитавшей в нем восхищение немецкой культурой. Таким образом, и галицийско-буковинская среда, в которой он рос, и полученное немецкое образование способствовали его познанию национального многообразия габсбургской империи, отразившемуся затем в его прозе, этнографических и переводческих опытах. Стремлением Францоza было, по собственному признанию, создавать «художественные» изображения не «в ущерб правде», о чем свидетельствуют его романы и повести о жизни русинов («*Der Kampf ums Recht*», 1872), евреев, о межэтнических отношениях на восточных рубежах Австро-Венгрии («*Die Juden von Barnow*», 1877; «*Moschko von Parma*», 1880; «*Der Pojaz*», 1893 и др.).

Сторонник Просвещения и культурной ассимиляции евреев⁶, Француз пытался найти возможности и пути объединения разобщенных этносов, самобытность и достоинство которых он признавал, и видел эти возможности именно в немецкой культуре. Об этом ярко свидетельствует, в частности, рассказ «Шиллер в Барнове», в котором три счастливых обладателя томика Шиллера — польский католик из барновского монастыря Франциск, православный русин, «неуклюжий угрюмый парень» Василий Войчук (который хотел стать «депутатом, чтобы бороться с поляками»), и еврей Израиль Мейзелъс, жившие, по выражению автора, во тьме и жадно стремившиеся к свету, пребывавшие в пустыне и жаждавшие свежего источника⁷. Искомый свет и свежий источник все трое находят в «спасителе и искупителе» Шиллере, который «из глубокой бездны предрассудков и тяжелой нужды возводит на высшие ступени свободной человечности»⁸, становится основой их радостного сближения — они вместе читают «Оду к радости».

Происходивший, по собственному признанию, из староавстрийской семьи (а «типично австрийским в этой семье было даже то, что происходила она из Моравии и в жилах музилевских предков текла чешская кровь») Роберт Музиль в своем сатирическом эпосе «Человек без свойств» («Der Mann ohne Eigenschaften») писал об австро-венгерском государстве как о неспособном гармонично удовлетворять интересы своих народов и потому развалившемся, а о патриотизме в Австрии как о совершенно особом предмете, содержащем в себе презрение и ненависть («Германские дети, например, просто учились презирать войны австрийских детей...»)». Роман Музиль понимал как «субъективную философскую формулу жизни», включающую и человека, и его сложные отношения со временем, историей и прежде всего — с государством¹².

Существовавшее в общественно-политической жизни Австро-Венгрии драматическое напряжение проходило именно по линии противостояния наций и государства. Государственную идею воплощал в «Человеке без свойств» австрийский аристократ, граф Лейнсдорф, чей подход к национальным антипатиям (их Музиль вообще рассматривал как антипатию человека к себе самому, извлеченную из темных глубин собственных противоречий и прикрепленную к подходящей жертве) был своеобразен и тонок: он мысленно отделял Венгрию, о которой, будучи «мудрым дипломатом», никогда не говорил, а остальное относил к «национальностям», или «австрийским племенам». Поскольку же, по его убеждению, народ лишь тогда вправе считаться нацией, когда он обладает собственной государственностью, то «каканские» по ироническому обозначению Музиля (kaiserlich und königlich, k.u.k.) народы, нации — это всего лишь национальности, и над ними должно стоять государство. Они же противились этой идее государства, «подчеркивали, что они нации, требовали, чтобы им вернули потерянные исторические права, заигрывали с братьями и родственниками по племени по ту сторону границы и во всеуслышание называли империю тюрьмой, из которой им хотелось выйти на волю». Граф Лейнсдорф же хотел усовершенствовать их состояние, применяя против строптивых племен «смесь умной гибкости и карательной мягкости»¹³.

Хаосу ожесточенных национальных распрей, тотальной неприязни каждого ко всякому другому, возведенной в чувство солиदार-

ности и ставшей чем-то вроде «сублимированного церемониала», противостояла идея порядка в облике государственности, носителями которой, в отражении Музиля, выступала австрийская элита. Героиня Музиля, Диотима, надеется на «великую идею», которая сможет навечно сплотить многонациональное государство и возвести имперскую идею на недосягаемые прежде высоты Духа.

О том, что национальные вопросы волновали Музиля, не разделявшего «почвенных» представлений о нации, как и стремления отождествить ее с расой или государством, свидетельствует и его эссеистика, в частности, эссе «Нация как идеал и как действительность» (1921), или «Немецкий человек как симптом» (1928). Согласно тонкому наблюдению Д. Затонского, содержание «Человека без свойств» «держится» на Какании — немислимом, анахроничном и одновременно «самом прогрессивном государстве». И это — не пародия, не насмешка. Это — чисто австрийская сложность музилевского восприятия родины. В нем есть элементы так называемого «габсбургского мифа», однако еще больше в нем неприятия современного, грядущего мира¹⁴.

Представляется, что к этим взглядам близок и австрийский писатель еврейского происхождения Йозеф Рот, полагавший, что габсбургская монархия лучше того, что пришло ей на смену, что национализм представляет собой зло, а рухнувшая империя была единственной сверхнацией, которая когда-либо существовала, как он писал в 1938 г. в «Склепе капуцинов» («Я не дитя нынешнего времени, мне даже трудно удержаться и не назвать себя прямо его врагом»; «Он был мятежником и патриотом, мой отец; это особый вид, который существовал только в прежней Австро-Венгрии. Он хотел реформировать империю и спасти Габсбургов»; «Мой отец мечтал о славянском королевстве под владычеством Габсбургов. Мечтал о монархии австрийцев, венгров и славян»)¹⁵, и что она могла бы служить поучительным и вдохновляющим примером европейского единства. Подобные настроения присутствуют и в ностальгических мемуарах Стефана Цвейга «Вчерашний мир. Воспоминания европейца». Цвейг здесь вспоминает, что родился в большой и могучей империи, в монархии Габсбургов, которой более не существует, вырос в Вене, в этой двухтысячелетней *наднациональной* столице, и вынужден был покинуть ее прежде, чем она деградировала до не-

мецкого провинциального города, и таким образом, не принадлежит более ни к чему, повсюду чужой, и большая *его родина Европа*, «ради которой мы жили» — потеряна для него с тех пор, как уже вторично она оказалась раздираема на части братоубийственной войной¹⁶.

Рот ощущал себя европейцем, причастным к культурному наследию всей Европы, не ограниченному государственными или национальными границами, и это умонастроение он передает, рисуя портрет своего аристократического персонажа, графа Морстина, который «не считал себя ни поляком, ни итальянцем, ни польским аристократом, ни аристократом итальянского происхождения. Нет: как и многие другие люди его сословия в коронных землях Австро-Венгерской монархии, он являл собой типичный образец чистоты и благородства австрийца, то есть был человеком наднациональным и, следовательно, истинным аристократом. Если бы его, к примеру, спросили [...], сознает ли он свою принадлежность к какой-нибудь нации — или народу, граф оказался бы в замешательстве, он был бы даже удивлен и, наверное, раздосадован и рассержен. По каким же признакам следовало относить себя к той или иной нации? Он говорил одинаково хорошо почти на всех европейских языках, почти во всех странах Европы чувствовал себя как дома, его друзья и родственники были рассеяны по белу свету. Маленьким отражением этого пестрого мира явилась кайзеровско-королевская монархия, и поэтому она была единственной родиной графа»¹⁷.

Рот родился в галицийском Броде, в регионе пограничья культур, и это оказало влияние на его творчество (в его гимназическом классе отразилась полиэтничная и поликонфессиональная пестрота этого региона: в нем было двенадцать поляков-католиков, четырнадцать православных украинцев и семнадцать евреев, затем он учился в университетах Львова и Вены). Его друг Юзеф Виттлин* в своих воспоминаниях о Роте акцентировал именно эту тему пограничья, отмечая, что в его «чарующей» прозе ощущается «как будто подольский или волынский колорит»: «Прекрасные места, откуда мы оба с ним родом, влекли Рота из-за близости прежней российской границы. Его притягивала эта граница между разными культурами,

* Ю. Витлин перевел на польский язык романы своего друга Рота — «Зиппер и его отец» (1928), «Бегство без конца» (1931), «Иов. Повесть о простом человеке» (1931), «Исповедь убийцы» (1937), «Склеп капуцинов» (1939).

притягивали таинственные образы людей пограничья»¹⁸. В «Марше Радецкого» (1932) Рота эта близость границ двух империй описана так: «Лучи габсбургского солнца достигали на востоке границ русского царства»¹⁹.

Друживший с Ротом Цвейг объяснял неповторимость его личности и творчества сочетанием в нем — в силу происхождения — черт русской природы (склонность к крайностям: глубина чувств, истовое благочестие и русская жажда самоуничтожения), еврейской (ясный, беспощадно трезвый, критический ум, кроткая мудрость) и — австрийской (рыцарственное благородство в каждом поступке, обаяние, приветливость, артистичность и музыкальность).

Йозеф Рот сумел «лучше других описать закат и гибель империи, которую он считал своей родиной. Австро-Венгерская империя представляла собой механическую смесь приведенных к повиновению центрально-европейских народов, которые в результате Первой мировой войны разорвали в клочья шкуру состарившегося габсбургского медведя»²⁰.

О национальных проблемах страны Рот писал: «История австро-венгерской монархии стала чем-то вроде практического доказательства национальной теории. То есть если бы ею хорошо управляли, она могла бы стать доказательством обратной теории. Стало быть, бездарность правительства на практике доказала теорию, которая затем была подкреплена заблуждением и, опять-таки в силу заблуждений, завоевала признание. Современный сионизм возник в Австрии, в Вене. Его изобрел австрийский журналист. Вряд ли кому-то еще такое могло прийти в голову. Заседавшие в австрийском парламенте представители разных наций боролись за национальные права и свободы, которые, будь они предоставлены, показались бы чем-то само собой разумеющимся. Австрийский парламент заменял народам поля сражений. Пообещать чехам новую школу значило обидеть богемских немцев. Поставить полякам Восточной Галиции польско-язычного наместника значило оскорбить украинцев. И все австрийские нации приводили в качестве доказательства “родную землю”. Привести в качестве доказательства родную землю (или, как говорится, почву) не имели возможности только евреи»²¹.

Первая мировая война, на фронты которой были призваны уроженцы самых разных частей империи и ее национальных окраин —

Галиции, Буковины, Хорватии, Словении, Далмации, Чехии и Моравии, оказывается тем плавильным котлом, в котором драматически перемешиваются этносы Австро-Венгрии, но вместе с тем и обостряются все явные или подспудные противоречия, которые были характерны для многонациональной империи. Стоит упомянуть, что за исключением Францоza, умершего за десять лет до начала войны, все рассматриваемые писатели приняли в ней участие, и прошли травматичный военный опыт, переживание ее бессмысленности и абсурда (Музиль в дневниковой записи назовет это «пятилетним рабством войны», а саму войну — кризисом «этой цивилизации»²²).

Виттлин писал: «Война шла не только на землях и в границах государств, часто изменяя эти границы, она шла также и во времени, слишком долгом. [...] Именно эти годы, предшествовавшие войне, военные и послевоенные — подлинная родина нашей души, независимо от того, провели ли мы эти годы дома или на чужбине. В этой партии каждый мыслящий и чувствующий европеец ощущает себя земляком, хотя не всегда — патриотом»²³.

Противостояние многонационального населения патриотической пропаганде войны, отсутствие восторженности по поводу ее объявления и ответные государственные санкции фиксирует и Гашек: «От стен полицейского управления веяло духом чуждой народу власти. Эта власть вела слежку за тем, насколько восторженно отнеслось население к объявлению войны. За исключением нескольких человек, не отрехнувшихся от своего народа, которому предстояло изойти кровью за интересы, абсолютно чуждые ему, за исключением этих нескольких человек полицейское управление представляло собой великолепную кунсткамеру хищников-бюрократов, которые считали, что только всемерное использование тюрьмы и виселицы способно отстоять существование замысловатых параграфов»; «Я пришел в волнение, увидев, что все читают этот манифест о войне и не проявляют никаких признаков радости. Ни победных кликов, ни “ура”... вообще ничего... Слово их это вовсе не касается»²⁴.

В названном лучшем антивоенном произведении Польши межвоенного периода — романе «Соль земли. Повесть о терпеливом пехотинце» (1925–1935) Ю. Виттина представлен полиэтничный плавильный котел австро-венгерской армии, предполагавший «переселение народов императора и короля. Во всей монархии пере-

возили транспорты всеобщего ополчения с гор в низины, с Карпат на Альпы, из Далмации в Тироль, из Галиции в Боснию, в Чехию, в Венгрию. Часть гуцульского транспорта была отправлена уже из Андрасфальвы в Штирию. На место гуцулов прибыло около семидесяти штирийцев»²⁵. Его герой на призывном пункте оказывается в толпе «крестьян, евреев и разных барчуков», в «смешении всех сословий и одежд», дополняемом смешением запахов: «Гуцулы пришли в сопровождении запаха курных [...] мазанок, от крестьян несло землю и зерном, от пастухов — навозом, от евреев — корчмой и мельницей»²⁶. (Швейк сталкивается на фронте и с полиэтничностью армии противника, пытаясь составить список русских пленных, представителей различных восточных народов — татар, грузин, осетин, черкесов, мордвин, калмыков).

Однако смешение австро-венгерских призывников отнюдь не ведет к единству, сплочению и не препятствует подозрительности и враждебности: оказавшись в армии, солдаты с готовностью объединяются в свои национальные землячества: «гуцулы примкнули к гуцулам, поляки к полякам, евреи к евреям, немецкие колонисты из Мариагильфа под Коломыей и из Багинсберга — к немцам»²⁷, однако, среди них распространяется слух, что во избежание измены «в каждую роту напихают немцев, итальянцев, чехов [...], один народ будет следить за другим». Смешение наций в армии не только было отражением полиэтничности империи, но и соответствовало решению политических задач: «завтра [...] сюда придет ландштурм тирольский, либо итальянский, либо босняцкий, шут их знает, какой еще. Мало ли народов находится под властью императора? Из наших людей [...] на пункте оставят, самое большее, половину [...]. Теперь будут смешивать людей из разных стран, находящихся под властью короны, чтоб не было измены»²⁸.

Затронутая здесь тема царившей в империи подозрительности и шпиономании, широко отраженная и в «Похождениях бравого солдата Швейка» Гашека, встречается и у других австрийских писателей того времени. В «Марше Радецкого» Рота описывается, что на границе империи «временами то тут, то там арестовывали русофильски настроенных украинцев, одного какого-нибудь православного попа, евреев, пойманных с контрабандным табаком и шпионов»²⁹. Этой теме отдал дань и Стефан Цвейг в своей антивоенной новелле

«Мендель-букинист» (1929), герой которой, тихий еврей из Галиции Яков Мендель, одержимый страстью исключительно к книгам и равнодушный ко всему остальному, во время войны подвергается аресту якобы за шпионаж, попадает на два года в лагерь, откуда возвращается сломленным человеком.

Смешение австро-венгерских этносов могло происходить и в пределах одной семьи, одного рода, становясь источником внутренней борьбы и причудливой самоидентификации. Это отражает Йозеф Рот в романах «Бегство без конца» и «Направо и налево», герои которых, Франц Тунда и Пауль Бернгейм — немцы по отцу, евреи по матери, и в романе «Марш Радецкого», описывая барона Енё Надя. Барон «считал мадьяр одной из благороднейших рас империи и всего мира, хотя сам, несомненно, происходил от еврейского деда из Оденбурга, баронство же было куплено его отцом. Он воспринял все пороки венгерского дворянства и старался всеми возможными средствами позабыть о семитской расе, к которой принадлежал [...]. Ему удавалось любить все, что благоприятствовало национальной политике венгров, и ненавидеть все, что шло ей во вред. Он принуждал себя ненавидеть наследника престола, ибо кругом говорилось, что тот питает симпатию к славянским народностям и не любит венгров»³⁰. Виттлин, напротив, рисует портрет простонародного героя, далекого от осознания подобных вопросов идентификации Петра Невядомского, который «остановился на самом пороге национальной сознательности»: он был русином, хотя и происходил от отца-поляка, «говорил по-польски и по-украински, веровал в бога по греко-католическому обряду, служил австро-венгерскому императору»³¹.

Отторжение от своего истинного происхождения влекло за собой неприязнь ко всему, что ассоциировалось с национальным прошлым, денационализацию, утрату идентичности. Так, персонаж Музиля, Рахиль, превращенная в Рашель, служа в Вене, «забыла свое начальное еврейское образование, мудрость, услышанную в родительском доме, и не нуждалась в них так же, как не нужны цветку ложка и вилка, чтобы питаться соками земли и воздуха»; «она любила эти дивные фразы всем сердцем, как любила императора, похороны и сверкающие свечи в сумраке католических церквей»³².

Рот отражает и сложный процесс национального становления словенцев, который привлекал внимание исследователей, отмечав-

ших, что словенская нация сформировалась накануне Первой мировой войны, «при этом незащищенность словенского народа перед лицом германизаторских устремлений породила среди части национальной интеллигенции либо пессимистические настроения и уступчивость политике онемечения — нередко с корыстной целью, либо радикализацию югославистских тенденций — планы политического объединения с другими южнославянскими землями в составе империи или вне ее»³³.

Процесс денационализации представлен на примере капитана фон Тротта, получившего дворянство за свой военный подвиг. «Тротта были молодым родом [...]. Он был словенцем»; «капитан Тротта освободился от длинного ряда своих крестьянских предков-славян. С него начался новый род»; «Тротта никак не мог одобрить стремление сына попасть в словенскую провинцию. Сам он, окружной начальник, никогда не испытывал желания увидеть родину своих отцов. Он был австриец, слуга и чиновник Габсбургов, и отчизной для него являлся императорский дворец в Вене. Доведись ему представить свои политические взгляды касательно полезного переустройства разноплеменного австрийского государства, он признал бы желательным превратить [...] все народы, населяющие монархию, в верных слуг Габсбургской династии. Он был окружным начальником и в своем округе представлял австрийского императора. Он носил мундир с золотым воротником, треуголку и шпагу. Он не испытывал ни малейшего желания ходить за плугом по благословенной словенской земле. В его решительном письме к сыну стояла следующая фраза: “Судьба из нашей семьи пограничных крестьян сделала австрийцев, и мы ими останемся”»³⁴.

В поисках объединяющей пестрое этническое и конфессиональное разнообразие идеи певец «галицийского мифа»³⁵ Ю. Стрыйковский обращается к религиозной перспективе: перед лицом опасности вера соединяла представителей различных конфессий Австро-Венгрии, колокола и костелы, и церкви звонили вместе, горожане всех национальностей объединились³⁶, а Виттлин рисует экуменический по духу образ гармонии: «Сам львовский митрополит, граф Шептицкий, знатный барин, польский барин, оставивший императорскую службу в кавалерии, чтобы служить богу, отрекшийся от латинской господской веры, чтобы в греческой золотой тиаре вести русский люд по

пути к спасению, горевал о римском папе»³⁷ (о совпавшей с началом войны смерти папы Пия X).

Стремясь обратить внимание на относительность и несовместимость убеждений представителей противоборствующих сторон, Виттлин подчеркивал религиозную составляющую их пропаганды: «В мировой войне жрецы всех вероисповеданий — ксендзы, раввины, попы, пасторы и муллы немедленно получали звание как минимум капитана и приказ проповедовать, что цель, во имя которой стреляет данная армия, является святой, что Бог находится исключительно на ее стороне и поддерживает отечественную стратегию [...]. В европейской войне 1914–1918 годов у нас были Боги: Германии, Австрии, Турции, Болгарии, России, Франции, Англии, Италии, Японии, Бельгии, Сербии, Черногории, Соединенных Штатов сев. Америки, Румынии и т.д. За свое покровительство Бог в случае победы получал ордена [...]. Он был высшим командором этих орденов на небесном шарфе с настоящими звездами»³⁸. (Ср. сходный монолог раввина австро-венгерской армии из романа А. Вагенштайна: «Для чего я здесь?.. Чтобы напутствовать вас, заботиться о ваших душах, чтобы даже и в смерти предстали вы чистыми пред Господом... То же обязаны творить и мои коллеги: католики, адвентисты, протестанты, субботники, православные и мусульмане — в честь нашего Императора и во славу своего Бога. А где смысл?.. Если я знаю, что по ту сторону фронта то же самое творит мой коллега — раввин, который напутствует наших ребят [...] сражаться против нас да убивать вас в честь своего Императора и за Яхве»³⁹).

В исследуемых текстах отражена централизующая символическая роль императора: музилевский граф Лейнсдорф понимал, «насколько символ богаче и сильнее, чем даже самое большое богатство. Старый властитель символически заключал в себе (для графа) одновременно и его отечество, которое он любил, и мир, которому оно должно было служить примером». Граф был полон «гордости за аристократию старого государства и желания доказать ее образцовость; по его мнению, все народы Европы затягивало в пучину материалистической демократии, и ему мерещился некий величественный символ, который был бы для них одновременно напоминанием и предостережением»⁴⁰.

Рот описывает множественность портретов императора, размещенных по всей стране: «Постепенно император приобрел безраз-

личный, знакомый, не привлекающий внимания облик — такой, какой он имел на почтовых марках и монетах. Его портрет висел на стене казино — своеобразный род жертвы, которую божество само себе приносит [...]. Дома, в рабочей комнате окружного начальника, висел тот же портрет. Он висел в большом актовом зале кадетского корпуса. Он висел в канцелярии полковника в казарме. Сотни тысяч раз был размножен император Франц Иосиф в обширной стране»⁴¹.

К этому величественному символу как к началу, объединяющему пеструю полиэтничность и многоконфессиональность, не без иронии обращается Виттлин в «Соли земли», описывая, как вера в императора Франца Иосифа собирает «на этих далеких землях римских католиков и греко-католиков, армян и евреев в одну общую и единую церковь». Эта вера не может не граничить с обожествлением императора: «Бог и император всегда пребывают вместе. [...] Кто в такую минуту не повинуется добровольно императору, взывающему с креста, тому сам Иисус Христос не простит этого на страшном суде»; «библейским, выпрненным, горестным языком жаловался император в своем обращении на злых и вероломных сербов»; «император дает человеку деньги, как бог дает ему жизнь»; «император владеет монополией не только на табак и соль, но и на убой людей»⁴².

Библейскую параллель проводит и Музиль: «Число его вывешенных и выставленных повсюду портретов было почти столь же велико, как число жителей его владений; в его день рождения съедалось и выпивалось столько же, сколько в день рождения Спасителя»⁴³.

У Стрыйковского Франц Иосиф представлен как покровитель и заступник своих еврейских подданных: «Нет такого еврея, который не желал бы ему долгой жизни и здоровья. А раввины молятся, чтобы его дела шли хорошо, и чтобы долго жила вся его семья, [...] все, кто ему служит»⁴⁴.

Однако отношение к императору и убийству в Сараево отнюдь не было однозначным, что находит свое отражение (порой весьма ироничное) в рассматриваемых литературных текстах. Так, в романе Гашека описана весьма характерная сцена австро-славянского противостояния: когда в день покушения благотворительный кружок в Годковичках устроил в саду гулянье с музыкой и пришедший жандармский вахмистр потребовал, чтобы участники разошлись, так как Австрия в трауре, «председатель кружка добродушно сказал:

Подождите минуточку, вот только доиграют “Гей, славяне”»⁴⁵ (разумеется, он был сразу арестован).

Этот символ — портрет — может предстать оскверненным и в «Марше Радецкого» Рота («Белое одеяние императора, густо засиженное мухами, казалось пробитым бесчисленными дробинками»; «остановился у портрета императора и сделал попытку сосчитать черные мушиные точки на его мундире»⁴⁶, и в «Похождениях бравого солдата Швейка» Гашека (в трактире «У чаши» висел портрет государя императора, но на него гадили мухи, и он во избежание неприятностей был убран на чердак), и в этом легко увидеть дурное предзнаменование, предвестие конца.

Значительное место у рассматриваемых авторов занимают описания национальных конфликтов. Музиль отражает напряжение между государственной элитой и разноплеменными подданными: «в Какании остались лишь угнетенные нации и высший круг лиц, которые, собственно, и были угнетателями и чувствовали себя измученными глумлением угнетенных»; другие «этнические группы» называли Каканию «торьмой и самым открытым образом выражали свою любовь к Франции, Италии и России»⁴⁷.

Витлин иронически описывает возникновение во время войны «всем известной» ненависти галицийских солдат, распределенных по венгерским запасным пунктам, к местному населению: «Ненависть эта, вначале платоническая, проявлялась позднее в частых, крайне ожесточенных драках, и много литров превосходной императорской и королевской крови пролилось в мадьярских кабаках и на постоянных дворах, вместо того, чтобы быть использованной для монарха на полях доблести и славы»⁴⁸.

Национальный характер носит в «Марше Радецкого» и конфликт ротмистра графа Таттенбаха с еврейским полковым врачом Демантом, завершившийся роковой дуэлью, в официальном же приказе говорилось, что они «как подобает солдатам, положили жизнь свою за честь полка»⁴⁹.

Рот отражает неприязнь и соперничество между представителями разных национальностей и пропасть, разделяющую поколения, принадлежащие к одному роду: «Господин фон Сенни, более мадьяр по крови, чем господин фон Надь», был охвачен «внезапным страхом, что еврейский отпрыск превзойдет его в венгерских убеждени-

ях»⁵⁰. Окружному начальнику «вдруг стало казаться, что мир заселен одними чехами, нацией, которую он считал упрямой, твердолобой, глупой, да к тому же чуть ли не изобретательницей самого слова “нация”»⁵¹. Словенец Иелачих «ненавидел венгров так же сильно, как презирал сербов. Он любил монархию, он был австрофилом. Непосредственно под владычеством венгров жило множество его одноплеменников, словен и родственных им хорватов. Вся Венгрия отделяла ротмистра Иелачиха от Австрии, Вены и императора Франца Иосифа. В Сараеве, чуть ли не на его родине, и, быть может, от руки такого же словенца, как и сам ротмистр Иелачих, погиб наследник престола. Если бы ротмистр принялся теперь защищать убитого от поношений венгров [...], ему могли бы возразить, что убийцы — его одноплеменники. Он, сам не зная почему, чувствовал себя как бы совиновником. В течение полутора лет его род усердно служил династии Габсбургов. Но двое его сыновей-подростков уже поговаривали о самостоятельности всех южных славян и прятали от него брошюры, видимо, получаемые из враждебного Белграда. А он любил своих сыновей... Он закрывал глаза, видя их читающими подозрительные газеты, и затыкал уши, когда они пускались в подозрительные рассуждения. Он был умен и понимал, что беспомощно стоит между своими предками и потомками, которым суждено стать предками совсем новой породы людей. У них были его лицо, глаза и цвет волос, но сердца их бились в новом ритме, в их головах зарождались чуждые ему мысли, их глотки распевали новые, неизвестные ему, песни. И в свои сорок лет ротмистр чувствовал себя старцем, а сыновья казались ему непонятными праправнуками»⁵².

Гашек описывает горячую ненависть чешского националиста к венграм: старый сапер Водичка вспоминает как самые сладостные моменты своей жизни драки с ними («все время выражал крайнюю ненависть к мадьярам и без усталости рассказывал о том, как, где и когда он с ними дрался или что, когда и где помешало ему подраться с ними»). Философское замечание Швейка «Иной мадьяр и не виноват, что он мадьяр...» вызывает у Водички бурю возмущения⁵³.

В свою очередь, аристократический персонаж Музиля был убежден в гармоничности национальных отношений, нарушаемой лишь злонамеренными элементами: очень хорошо «жилось всем крестьянам, ремесленникам и горожанам, что попадались ему на глаза во вре-

мя поездок по его населенным немцами и чехами богемским угодым, и потому приписывал действию особого вируса, особого, гнусного подстрекательства тот факт, что время от времени они проявляли бурное недовольство друг другом и мудростью правительства»⁵⁴.

Смешение австро-венгерских «наций» отражается в смешении языков, которое писатели стремятся воспроизвести: «Рот в своих произведениях заставлял заговорить нищих местечковых евреев и императора Франца Иосифа, польских вельмож и крестьян русинов, опустившихся бедняков и успешных предпринимателей, румын, чехов, поляков, немцев, казаков — короче, все население Австро-Венгерской империи, и всех с максимальной выразительностью»⁵⁵.

Необразованный русин, герой Витлина, призванный в многоязычную австро-венгерскую армию «императора и короля», рассуждает о разных языках империи, о Вавилонской башне, обломки которой препятствуют взаимопониманию людей: «Петр вдруг почувствовал ясно, каким преступлением, каким непростительным грехом была постройка Вавилонской башни, если Бог смешал за это языки людей. До этого времени Петр никогда не задумывался над размерами этого бедствия, не старался проникнуть в тайну, почему один человек не понимает другого. Лишь на венгерской станции Гушт он был поражен бездонной глубиной того факта, что у этого жандарма, как у всякого человека, есть глаза, уши, рот, но изо рта выходят нечеловеческие звуки. Нет, мадьярская речь не была человеческой речью. Это был огонь, сера и паприка»⁵⁶.

Восприятие многоязычия обостряется по мере перемещения новобранцев из славянских регионов в венгерские земли. С тех пор как началась война, «в уши вторгалось немало чужеземных языков. Барабанные перепонки гуцулов начали постепенно привыкать к диковинным звукам жесткой немецкой речи, к так называемому армейско-славянскому — смеси из всех славянских языков. Освоились с рассыпающимся, как бы лишенным всех гласных языком чехов. Для них издавна было дружественно мелодичное “руманешти” буковинских соседей, и даже постоянный обитатель этих стран, еврейский жаргон, был своим для гуцульских ушей. [...] Но одно дело слышать непонятную речь у себя дома, [...] и совершенно другое дело очутиться вдруг среди самих чужеземцев»⁵⁷.

Гашек передает комически-нелепые выражения, возникающие от столкновения разных языков в армии: «Wenn man aus drei Minuten

weg, da hort man nichts anderes als: “По-цешски, цехи”⁵⁸ («Стоит уйти на три минуты, как только и слышно: “По-чешски, чехи”»); «я слышал речь одного полковника к запасным, которую он держал, отправляя их в Сербию. Полковник сказал, что солдат, который оставляет дома семью и погибает на поле сражения, порывает все семейные связи. У него это вышло так: “Когда он труп, он труп для земля, земейная связь уже нет, он польше чем “ein Held” за то, что сфой шизнь “hat geopfert” за большой земля, за “Vaterland”»⁵⁹ (в оригинале: «Kterej voják zanechá doma rodinu a padne na bojišti, že sice roztrhá všechny rodinný styky. Když je mrtfol, ot ródiny mrtfol, ródiny svázek pšetrhnuta, fic být ajn held, pónevadž hat geopfert svůj šivota za fětší famílii, za Vaterland»⁶⁰).

В условиях военной мобилизации многоязычие в армии, взаимное непонимание препятствовало взаимодействию ее частей и представляло собой особую проблему, как это отражает, в частности, Виттлин. *Lingua franca* «в императорской и королевской армии» становились только обязательные для всех команды на немецком языке. Вместе с тем, для присяги новобранцев все же разделяют на три языковые группы — немецкую, «состоявшую главным образом из евреев», польскую и украинскую, чтобы «каждый мог присягать на том языке, на каком хотел», ибо «воинская литургия не навязывала своей латыни, то есть немецкого языка, тем, кто не понимал его. Только команда в императорской и королевской армии была обязательной для всех на немецком языке»⁶¹.

У Гашека языковое поведение чешского поручика Лукаша явно свидетельствует о ситуации доминирования и дискриминации в немецко-чешских отношениях: «Поручик Лукаш был типичным кадровым офицером сильно обветшавшей австрийской монархии. Кадетский корпус выработал из него хамелеона: в обществе поручик говорил по-немецки, писал по-немецки, но читал чешские книги, а когда преподавал в школе для вольноопределяющихся, состоящей сплошь из чехов, то говорил им конфиденциально: “Останемся чехами, но никто не должен об этом знать. Я — тоже чех”. Он считал чешский народ своего рода тайной организацией, от которой лучше всего держаться подальше»⁶².

О постепенной утрате родного языка свидетельствует пример словенского героя Рота, который говорил «с твердым немецким вы-

говором армейских славян. Гласные прорывались у него, подобно грому, а окончания он как бы отяжелял маленькими гириями. Пять лет назад он еще говорил с сыном по-словенски, хотя юноша и понимал только немногие слова, а сам не мог произнести ни единого»; «солдаты пели песни на незнакомом языке: по-словенски. Прежние крестьяне из Сиполья, верно, поняли бы их! Дед Карла Йозефа, возможно, тоже понял бы их!»⁶³

Взаимное языковое непонимание представителей австро-венгерских народов метафорически выражает их глубинную разобщенность, приводящую к конфликтам, примером чего становится у Виттлина жесткое столкновение мадьярских и гуцульских солдат на железнодорожной станции, где миротворцами-переводчиками выступают евреи: «И если бы не евреи, жившие на свете еще до постройки Вавилонской башни и знавшие все языки, на станции Гушт дошло бы до великой войны народов императора с народами короля»⁶⁴.

Подобного рода внутренние и внешние конфликты неизбежно вели к распаду единства империи, основанного на хрупких символах и преданности отдельных граждан*. Этот распад мог поражать подданных своей внезапностью («Годы правит император, сотни лет правит целая династия, а через день ни император, ни династия уже ничего не значат»⁶⁵), однако чуткие наблюдатели могли ощущать его предвестия и постепенность: «Отечество Тротта распадалось и раскалывалось. Там, в моравском окружном городке В., может быть, еще была Австрия. Каждое воскресенье оркестр господина Нехваля играл марш Радецкого. Раз в неделю, по воскресеньям, там была Австрия. Император, белобородый, забывчивый старик, с блестящей каплей на носу, и старый господин фон Тротта были Австрийской империей»⁶⁶. Это подчеркивается и их одновременной кончиной: «Господин фон Тротта не мог пережить императора! — сказал бургомистр. — Не так ли, господин доктор? — Не знаю, — отвечал

* См.: «Он чувствовал себя немного сродни Габсбургам, власть которых представлял и защищал здесь его отец и за которых ему самому некогда доведется идти на войну и на смерть. Он знал имена всех членов императорского дома. Он искренно любил своим по-детски преданным сердцем императора, который, как его учили, был добр и справедлив, бесконечно далек и очень близок и особенно благосклонен к офицерам своей армии. Лучше всего положить за него жизнь под звуки военной музыки и легче всего под звуки марша Радецкого» (*Пом. Й.* Марш Радецкого. М., 2000. С. 29).

Сковронек. — Мне кажется, оба они не могли пережить Австрийской империи»⁶⁷.

Этот неминуемый распад был и следствием критического отношения к двуединой империи ее подданных, особенно принадлежащих не к доминирующим нациям: «Швейк сказал в пользу Австрии несколько теплых слов, а именно, что такой идиотской монархии не место на белом свете»⁶⁸.

Тотальную критику империи и ее отдельных наций, как и пессимистические прогнозы на будущее Рот вкладывает в уста польского графа Хойницкого, ни во что не верящего, насмешливого, бесстрашного. Он «называл императора безмозглым стариком, правительство — бандой бездельников, рейхсрат — собранием доверчивых и патетических идиотов, а государственные учреждения — продажными, трусливыми и бездельными. Немецкие австрийцы были у него вальсерами и хористами из оперетки, венгры воняли, чехи были прирожденными чистильщиками сапог, русины — переодетыми русскими шпионами, хорваты и словенцы — щеточниками и продавцами каштанов, поляки, к которым он принадлежал и сам, — ухажерами, парикмахерами и модными фотографами. После каждого своего возвращения из Вены или из другой столицы, где он вращался в высшем свете, чувствуя себя, как дома, он имел обыкновение держать речь, гласившую приблизительно следующее: “Это государство должно погибнуть. Не успеет наш император закрыть глаза, как мы распадемся на сотни кусков. Балканцы будут могущественнее нас. Все народы укрепят свои пакостные маленькие государства, и даже евреи провозгласят своего короля в Палестине. В Вене уже воняет демократическим потом, так что по Рингштрассе становится невозможным ходить. Рабочие обзавелись красными флагами и не хотят больше повиноваться. Венский бургомистр — набожный домашний учитель, попы уже снюхались с народом, в церквах читаются проповеди по-чешски. В придворном театре играют еврейские пьесы, и каждую неделю какой-нибудь венгерский клозетный фабрикант становится бароном. Говорю вам, господа, если теперь не начнут стрелять, дело гиблое. Мы еще доживем до этого!”»⁶⁹.

В произведениях Музиля, Рота и Цвейга явственно звучат и ноты ностальгии по утраченному (ср. у А. Вагенштайна: «Есть ли логика в том, что все австро-венгерские подданные горячо желали распада

империи Габсбургов на крохотные государства, сомнительные этнические союзы и тектонические федерации; утирали слезы и сопли под развевающимися национальными знаменами при исполнении браваурной песенки “Гей, славяне!”, а сейчас подсмаркиваются у разбитых корыт, вспоминая те “добрые, старые австро-венгерские времена”?»⁷⁰).

Львов, бывший тогда столицей «Королевства Галиции и Лодомерии с Великим Княжеством Краковским, Княжествами Заторским и Освенцимским», хранится в памяти Виттлина как утраченный рай, как идиллический мир, где «любили друг друга эндеки и евреи, социалисты и консерваторы, старорусины, москалофилы и украинские националисты»⁷¹.

Контрастом к этим воспоминаниям оказывается вскоре после распада Австро-Венгрии кровопролитная польско-украинская битва за Львов, где Виттлин становится свидетелем патриотического ослепления, «ненависти как оборотной стороны любви, разлившейся тремя широкими потоками крови — польской, украинской и еврейской — по всей восточной Малой Польше»⁷².

В произведениях писателей полиэтничной Австро-Венгрии отразилась картина драматического противостояния — на уровне теории и политической практики — государства и наций, и отношение некоторых из них к разрушенной империи предстает как амбивалентное: осознавая ее недостатки, они могли сравнивать ее с тем, что пришло ей на смену, и видеть в ней прообраз объединенной Европы будущего, а такие мыслители как Т.Г. Масарик (в своем написанном во время войны теоретическом труде «Новая Европа») настаивали на том, что государство не выше нации, но напротив, нация и народ — цель общественных устремлений, а государство является лишь средством. Взаимоотношения между австро-венгерскими народами предстают на страницах рассматриваемых произведений далекими от гармонии, чреватými разного рода конфликтами, а центробежные и центростремительные тенденции не сбалансированными. Вместе с тем, полиэтничность, мультикультурность и многоязычие обогатили палитру разноязычных литератур Австро-Венгрии, придали их ландшафту особый колорит.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Magris C.* Il mito absburgico nella letteratura austriaca moderna. Torino, 1963; *Magris C.* Der absburgische Mythos in der modernen österreichischen Literatur. Wien, 2000.
- ² См., например: Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. М., 1995; *Ze sobą obok siebie, przeciwko sobie.* Polacy, Żydzi, Austriacy, Niemcy w XIX i na początku XX wieku. Materiały międzynarodowej sesji historyczno-literackiej zorganizowanej w Warszawie, 11–14.11. 1993, przez Goethe-Institut Warschau i Austriacki Instytut Kultury w Warszawie. Kraków, 1995; *Müller-Funk W.* Kakanien revisited. Über das Verhältnis von Herrschaft und Kultur // Kakanien revisited. Das Eigene und das Fremde (in) der österreichisch-ungarischen Monarchie. Tübingen; Basel, 2002. S. 14–32; *Uhl H.* Zwischen «Habsburgischem Mythos» und (Post-) Kolonialismus. Zentraleuropa als Paradigma für Identitätskonstruktionen // Newsletter Moderne. Zeitschrift des Spezialforschungsbereichs «Moderne. Wien und Zentraleuropa um 1900». 2002. Н. 1. S. 2–5; Народы Габсбургской империи в 1914–1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств. Т. I. М., 2012; *Гольдиниг Д.* Блеск и нищета Каканских плюральностей // Вопросы философии. 2012. № 2. С. 136–139.
- ³ *Затонский Д.* Австрийская литература в XX столетии. М., 1985. С. 118.
- ⁴ *Гашек Я.* Похождения бравого солдата Швейка. М., 1999. С. 25–26, 294, 659, 585.
- ⁵ *Franzos K.-E.* Die Juden von Barnow. Leipzig, 1876; *Franzos K.-E.* Aus Halb-Asien. Kulturbilder aus Galizien, der Bukovina, Südrussland und Rumänien. Leipzig, 1888. (перензд.: Ink tank Publishing, 2019); *Franzos K.-E.* Halb-Asien. Land und Leute des östlichen Europa. Cotta; Stuttgart, 1897; *Franzos K.-E.* Aus Halb-Asien. Berlin, 1901. Bd. 1.; *Franzos K.-E.* Vom Don zur Donau. Neue Kulturbilder aus Halb-Asien. Land und Leute des östlichen Europa. Berlin, 1912. Bd. 2.
- ⁶ *Gelber M.H.* Ethnic Pluralism and Germanization in the Works of Karl Emil Franzos (1848–1904) // The German Quarterly, vol. 56, № 3, 1983. P. 376–385; *Sommer F.* «Halb-Asien»: German nationalism and the Eastern European works of Emil Franzos (Stuttgarter Arbeiten zur Germanistik). Stuttgart, 1984.
- ⁷ “Die Drei waren in Dunkel und haben sich nach Licht gesehnt, sie waren in der Wüste und haben nach einen Quell gedürstet”. — *Franzos K.-E.* Aus Halb-Asien. B. I. S. 183.
- ⁸ *Францоз К.Э.* Повести и рассказы. СПб., 1886. С. 308; ср.: *Gelber M.H.* Ethnic Pluralism and Germanization in the Works of Karl Emil Franzos (1848–1904). S. 380.
- ⁹ *Затонский Д.* Австрийская литература в XX столетии. С. 115.
- ¹⁰ *Musil R.* Der Mann ohne Eigenschaften. Berlin, 1930. B. 1, 1933. B. 2.
- ¹¹ *Музиль Р.* Человек без свойств. М., 1994. С. 41.
- ¹² *Musil R.* Tagebücher. Hamburg, 1974. S. 342.

- ¹³ *Музиль Р.* Человек без свойств. С. 511.
- ¹⁴ *Затонский Д.* Австрийская литература в XX столетии. С. 172.
- ¹⁵ *Pom Ľ.* Склеп капуцинов. М., 2002; ср.: концепции чешских политиков К. Крамаржа (Kramář K. Na rozcestí // Čas, 1890.11.X.) и Т.Г. Масарика (*Masaryk T. G. Svět a Slované.* Praha, 1919) о федерации славянских наций.
- ¹⁶ *Zweig St.* Die Welt von Gestern. Erinnerungen eines Europäers. Stockholm, 1944. S. 219.
- ¹⁷ *Pom Ľ.* Бюст императора // Иностранная литература, 1998. № 3. URL <https://magazines.gorky.media/inostran/1998/3/byust-imperatora.html> (дата обращения: 08.04.2021).
- ¹⁸ *Wittlin J.* Wspomnienie o Józefie Rociu // Orfeusz w piekle XX wieku. Kraków, 2000. S. 572–573.
- ¹⁹ *Pom Ľ.* Марш Радецкого. М., 2000. С. 136.
- ²⁰ *Kleh И.* Роман-кенотаф «Марш Радецкого». Неприкаянный апатрид и «святой пропойца» Йозеф Рот // НГ Ex Libris. 16.08.2018. URL https://www.ng.ru/non-fiction/2018-08-16/13_946_kleh.html (дата обращения: 08.04.2021).
- ²¹ *Pom Ľ.* Дороги еврейских скитаний. М., 2011. С. 36; ср.: *Beller S.* Wien und die Juden 1867–1938. Wien; Köln; Weimar, 1993.
- ²² *Musil R.* Tagebücher. S. 303, 530.
- ²³ *Wittlin J.* Na marginesie ksiązek Josepha Rotha // Orfeusz w piekle XX wieku. S. 470–471.
- ²⁴ *Гашек Я.* Похождения бравого солдата Швейка. С. 56.
- ²⁵ *Виттлин Ю.* Соль земли. Повесть о терпеливом пехотинце. М., 1937. С. 235.
- ²⁶ Там же. С. 73, 75.
- ²⁷ Там же. С. 291.
- ²⁸ Там же. С. 210–211. Ср.: «Полк стоял в Моравии. Но был укомплектован не чехами, как можно было бы предположить, а украинцами и румынами». — *Pom Ľ.* Марш Радецкого. С. 67.
- ²⁹ Там же. С. 190.
- ³⁰ Там же. С. 309.
- ³¹ *Виттлин Ю.* Соль земли. С. 143.
- ³² *Музиль Р.* Человек без свойств. С. 198, 200.
- ³³ *Фрейдзон В.И.* Нация до национального государства: Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII в. — начала XX в. Дубна, 1999. С. 84.
- ³⁴ *Pom Ľ.* Марш Радецкого. С. 5, 10, 136–137.
- ³⁵ Ср. *Wiegandt E.* Austria Felix, Czyli o micie Galicji w polskiej prozie współczesnej. Poznań, 1988; Galizien. Fragmente eines diskursiven Raums. Innsbruck; Wien; Bozen, 2009; Galizien — eine literarische Heimat. Poznań, 1987.
- ³⁶ *Strujkowski J.* Austeria. Warszawa, 1966. S. 21–23; рус. пер.: *Стрыйковский Ю.* Аустерия. М., 2010.
- ³⁷ *Виттлин Ю.* Соль земли. Повесть о терпеливом пехотинце. С. 141.
- ³⁸ *Wittlin J.* Wojna, pokój i dusza poety. Szkice literackie i przemówienia. Zamość; Warszawa, 1925. S. 5, 14–15.

- ³⁹ Вагеништайн А. Пятикнижие Исааково, или Житие Исаака Якоба Блюменфельда. СПб., 2002. С. 55–56.
- ⁴⁰ Музиль Р. Человек без свойств. С. 115.
- ⁴¹ Рот Й. Марш Радецкого. С. 78–79.
- ⁴² Виттлин Ю. Соль земли. Повесть о терпеливом пехотинце. С. 54–55, 67–68.
- ⁴³ Музиль Р. Человек без свойств. С. 109.
- ⁴⁴ Strykowski J. Austeria. S. 45–46.
- ⁴⁵ Гашек Я. Похождения бравого солдата Швейка. С. 32.
- ⁴⁶ Рот Й. Марш Радецкого. С. 115.
- ⁴⁷ Музиль Р. Человек без свойств. С. 580–581.
- ⁴⁸ Виттлин Ю. Соль земли. Повесть о терпеливом пехотинце. С. 175.
- ⁴⁹ Рот Й. Марш Радецкого. С. 104, 122.
- ⁵⁰ Там же. С. 310.
- ⁵¹ Там же. С. 242.
- ⁵² Там же. С. 311.
- ⁵³ Гашек Я. Похождения бравого солдата Швейка. С. 349–350.
- ⁵⁴ Музиль Р. Человек без свойств. С. 580.
- ⁵⁵ Epstein J. Joseph Roth: Grieving for a Lost Empire // Jewish Review of Books. 2018. URL:<https://jewishreviewofbooks.com/articles/2938/joseph-roth-grieving-lost-empire/> (дата обращения: 08.04.2021).
- ⁵⁶ Виттлин Ю. Соль земли. Повесть о терпеливом пехотинце. С. 173.
- ⁵⁷ Там же. С. 172–173.
- ⁵⁸ Гашек Я. Похождения бравого солдата Швейка. С. 231.
- ⁵⁹ Там же. С. 557.
- ⁶⁰ Hašek J. Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války. Praha, 1971. D.3/4. S. 158.
- ⁶¹ Виттлин Ю. Соль земли. Повесть о терпеливом пехотинце. С. 57.
- ⁶² Гашек Я. Похождения бравого солдата Швейка. С. 169.
- ⁶³ Рот Й. Марш Радецкого. С. 10, 69.
- ⁶⁴ Виттлин Ю. Соль земли. Повесть о терпеливом пехотинце. С. 175.
- ⁶⁵ Strykowski J. Austeria. S. 81–82.
- ⁶⁶ Рот Й. Марш Радецкого. С. 312.
- ⁶⁷ Там же. С. 345.
- ⁶⁸ Гашек Я. Похождения бравого солдата Швейка. С. 207.
- ⁶⁹ Рот Й. Марш Радецкого. С. 147–148.
- ⁷⁰ Вагеништайн А. Пятикнижие Исааково, или Житие Исаака Якоба Блюменфельда. С. 13–14.
- ⁷¹ Wittlin J. Mój Lwów. New York, 1946. Цит. по переизд.: Wittlin J. Orfeusz w piekle XX wieku. S. 364–403.
- ⁷² Wittlin J. Orfeusz w piekle XX wieku. S. 78–79.